

Natalya A. Prokofeva
ORSID iD: 0000-0003-3105-4530
Ekaterina A. Shcheglova
ORSID iD: 0000-0003-1778-2021

Н.А. Прокофьева
Е.А. Щеглова

MILITARY ACTIONS AND THEIR PARTICIPANTS NOMINATIONS IN JOURNALISM DURING THE CRIMEAN WAR

НОМИНАЦИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ИХ УЧАСТНИКОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается лексическая репрезентация военного конфликта на примере Крымской войны. Выделяются смысловые блоки, требующие особого внимания при освещении события в периодике, — повод к войне, номинации участников военного конфликта, идеологическое обоснование военных действий. С применением метода диахронического анализа представлены процессы семантизации и вхождения в узус лексических единиц, описывающих выделенные фрагменты тематического поля “война”. Делаются выводы о семантическом обновлении слов военной тематики, происходящем под влиянием очередного военного конфликта, а также о влиянии хода развития военных действий на специфику появления у слова отрицательных или положительных коннотаций. Любопытным наблюдением представляется обнаружение специфической фразеологии, актуализирующейся во время каждого нового военного конфликта и обрастающей под его влиянием новыми смысловыми обертонами.

Ключевые слова: лексика, лексическая репрезентация, тематическое поле, Крымская война, публицистика, семантизация, узус, коннотация

Summary. The article examines the lexical representation of the military conflict on the example of the Crimean War. There are semantic blocks that require special attention when covering the event in the period - the reason for the war, the nomination of participants in the military conflict, the ideological justification for military actions. The “war” thematic field is presented by using the diachronic analysis method, semantization and entry into the language usage of lexical units. Conclusions are drawn about the semantic renewal of the words of military subjects, which takes place under the influence of the next military conflict, as well as the impact of the course of military operations on the specifics of the appearance of the word negative or positive connotations. A curious observation is the discovery of a specific phraseology, actualized during each new military conflict and growing under its influence by new semantic overtones.

Keywords: vocabulary, lexical representation, thematic field, Crimean War, journalism, semantics, word using, connotation

Введение

История языка напрямую связана с историей развития общества — отсюда появление таких понятий, как языковой вкус эпохи и литературная норма. Ведь семантическая оформленность лексемы и ее стилистическое восприятие полностью зависят от общественных настроений на конкретном этапе истории. Если в какой-то момент слово воспринимается как скомпрометированное в узусе, то и употребление его жестко ограничивается (например, словосочетание *молодой человек* в связи с действиями террористов в середине XIX столетия), а возможно, и полностью исключается (как случилось со словом *гражданин*, которое во времена Павла I попало в список «вредных» слов, подлежащих цензуре [Дуринова 2015]).

Этим же объясняется неравномерность развития языковой системы: большое количество общественно и социально значимых событий влечет за со-

бой поток словотворчества, обновления семантики уже существующих слов [Сорокин 1965: 38–39]. Стагнация же в политическом плане во многом определяет спокойствие в развитии лексико-семантической системы. Резонансное историческое событие всегда получает отражение в лексической системе в виде пополнения лексического состава, а также семантических изменений уже существующих слов. Например, кризис и распад крепостнической системы вызвал к жизни целую группу слов, связанных с этим событием: *народоволец*, *подложная грамота* (как называют Манифест 19 февраля 1861 года), *крепостник* (последнее было изначально в разговорном употреблении узкой группы лиц, а затем вошло в узус благодаря публицистике [Сорокин 1965: 39]). Одновременно произошли семантические обновления других слов: например, *отработка*, которое закрепилось в словарях вплоть до XX столетия со значением ‘кабальная система найма помещиком крестьян со своим скотом и инвентарем за ссуду, пользование земель и т. п. во второй половине 19 - начале 20 в.’ (МАС II: 703) (можно сравнить с фиксацией слова до отмены крепостного права: ‘действие отрабатывающего и отработавшего’ (Сл 1847 III: 124)).

Закрепление нового значения слова можно увидеть по контекстам употребления, например, в данном случае виден семантический сдвиг в значении упомянутого слова *отработка*: «Бывает очень часто, что бедный крестьянин, нанявшись у одного землевладельца и взявши вперед деньги под отработки, среди зимы отправляется к другому землевладельцу, нанимается также у него, потом нанимается и к третьему» [Энгельгардт 1882]. Начиная с середины XIX в. значение лексической лаборатории приобретает публицистика. Обращение именно к этому рода употреблениям оказывается наиболее продуктивным в указанный период для установления разного рода лексических новаций [Дягилева 2016].

С точки зрения обозначенных позиций представляется необходимым обращение к лексической репрезентации в публицистике соответствующего периода отдельно взятого исторического события.

Постановка проблемы

Общепризнанно, что основным двигателем развития общества и цивилизации является война. Это гонка вооружений и разработка новых тактик и стратегий ведения военных действий. Резкий взлет активности в области техники, медицины, промышленности, вызванный войной, неизменно влечет за собой необходимость включения в оборот новых номинаций, фразеологических единиц, оборотов речи. Взаимодействие с другим народом (противником или союзником) провоцирует увеличение потока заимствований. Необходимость осмысления исторического события дает толчок развитию философии и журналистики как своеобразного рупора эпохи, по текстам которых можно судить об умонастроении общества в целом и проблематике, подлежащей осмыслению в рамках конкретного события.

Будучи доминантным событием, в любой исторический период война приковывает к себе внимание общества, и все общественное обсуждение мысли строится так или иначе с учетом военной тематики. Если это мирное время, об-

суждению подлежит развитие оборонной промышленности или же наращивание военного потенциала государства (ср. публикации о количестве отлитых пушек в Петровских «Ведомостях»). Если государство находится на этапе ведения военных действия, то в центр внимания прессы смещаются

- известия о победах и поражениях, постигших армию (номинации битв, отдельных сюжетов сражения, войск, родов войск, тактик ведения боя, топонимы);
- идеологические основы войны (деление на своих и чужих, номинации глав государства, полководцев, народов-участников, религии);
- техническое оснащение армии (номинации боевой техники, медперсонала, научных открытий и технических достижений).

Представляется интересным изучение тематического поля «война» с определением основных смысловых узлов и последующим осмыслением появления новых или семантически обновленных лексических единиц, а в перспективе — выведением лексико-семантических полей для каждого узла с его лексическими доминантами.

Учитывая все вышесказанное, логично предположить, что наиболее значимое военное событие XIX века — Крымская война — не могло не запустить языковые процессы, получившие отражение в семантике и прагматике словоупотребления, повлиявшие на узус и получившие отражение в языке последующих эпох. По всей видимости, именно в это время после печально известного ответа В. Я. Кирьякова на приказ А. С. Меншикова перед битвой при Альме закрепляется в узусе употребление фразеологизма *шапками закидаем* с отрицательными коннотативными смыслами, например: «Я помню, как прежде говорили и хвастались: только бы высадились, шапками закидаем, на сухом пути одного русского солдата на десятерых врагов станет... А теперь оказывается, что для победы нам необходимо иметь чуть ли не вдвое более войска против неприятельского» (И. С. Аксаков «Письма родным», 1849–1856)¹; «А у нас? терпеть не могу этого самохвальства: «Мы русские, шапками закидаем и немцев, и англичан, и французов!, а на деле дрянь выходит» (Н. Г. Помяловский. «Мещанское счастье», 1860)². Та же семантика отмечена у выражения во фразеологическом словаре М. И. Михельсона: ‘намеки на самоуверенность, основанную на мысли, что вся сила в количестве’ (Михельсон 1912: 1007).

В рамках данного исследования обратимся к номинациям, востребованным в периодических изданиях того времени в связи с Крымской войной, чтобы показать особенности осмысления события в современной ему публицистике.

Методика анализа

В основе данного исследования лежит диахронический подход с элементами синхронии [Сорокин 1965: 20–23]. Рассмотрены особенности употребления лексических единиц лексико-семантической системы русского литературного языка в конкретный период ее существования — время Крымской войны.

¹ Использован материал Национального корпуса русского языка.

² Там же.

В центре внимания исследователей — совокупность номинаций, связанных с этим значимым для истории России событием: семантизация лексемы происходит через обоснование ее социально и политически значимыми процессами.

Для выявления семантических особенностей слов, служащих для номинации войны и ее участников, применяется лексико-семантический анализ. Ю. С. Сорокин приводит несколько факторов, имеющих постоянное воздействие на семантическое развитие отдельных слов и всей лексической системы языка в целом: 1) собственное значение слова, соотношение его с действительностью; 2) словообразовательные связи; 3) соотношение с другими словами по значению; 4) семантико-фразеологические связи; 5) связи по речевым контекстам [Сорокин 1961: 24–25]. Война сама по себе спорное событие, которое всегда требует идеологизации — объяснения необходимости военных действий, целей и задач, стоящих перед государством. Этим объясняется специфика номинаций, востребованных в кругу публикаций о войне: пафос государственности и народности, пафос сплоченности нации, пафос священного действия. В процессе формирования тематического поля «война» в применении к конкретному событию происходит семантизация слов, вызванная резким увеличением контекстов его употребления, поэтому собственное значение слова усиливается новыми контекстами употребления, а вслед за этим — расширением семантико-фразеологических и парадигматических связей.

Эти факторы находятся в постоянном взаимодействии, определяя судьбу отдельных слов внутри языковой системы. Характер влияния всех этих факторов на семантику отдельного слова можно увидеть при обращении к контекстам употребления. А. И. Горшков определяет понятие языкового употребления как «процесс реализации с целью передачи какого-либо сообщения языковых привычек и норм, в силу которых происходит выбор и организация языковых средств в единое смысловое и композиционное целое (текст), не одинаковые для разных условий языкового общения» [Горшков 2015: 19]. Употребление слова не проходит бесследно для носителя языка, и даже уже забытые значения так или иначе остаются в слове как неуловимый шлейф коннотаций.

Именно анализ употреблений слова позволяет выявить неявные семантические изменения слова, составляющих «круг реальных применений слова» [Ковтун 1971: 90], которые затем могут привести к семантическому сдвигу в значении слова [Blank 1999]. Таков круг идей, положенных в основу данного исследования, при анализе представленного лексического материала.

Анализ материала

Повод к войне

Важной частью обоснования военных действия является повод, послуживший началу войны. Общей тенденцией, выявленной при изучении эмпирической базы, являются примеры иносказания, реализующиеся в эвфемизациях, парафразах и метонимических заменах прямых номинаций, дающих представление о военном конфликте.

Война 1853–1856 года стала результатом давно назревавшего конфликта между Турцией и Россией. Осложнение конфликта произошло из-за вмеша-

тельства Франции и Англии, противившихся растущей роли России в мировой политике. Сама война развязана Россией, что также усложняло ситуацию, поскольку требовало серьезного обоснования такого рода решения.

С учетом всех названных особенностей в проправительственных периодических изданиях стойко соблюдается тенденция а) не называть войну военным конфликтом; б) возлагать ответственность за ее начало на противника; в) связывать военный конфликт с религиозным (священным) поводом.

Сама война в текстах периодики очень редко получает прямую номинацию, но преимущественно именуется *вопросом о Святых местах, делом о Святых местах, Восточным вопросом, Турецко-Российским вопросом* (Северная пчела, 1854. №25–27): *Нетрудно представить себе, что, при таком положении дел, Россия не могла не оскорбиться успехами, приобретенными, при Оттоманском Дворе, Францией по вопросу о Святых Местах; Перевес Франции и Англии над Оттоманскою Портою был, к несчастью, причиною незавидного торжества первой из сих держав в деле о Святых Местах* (Северная пчела, 1854, №26). В данном случае родовая номинация *вопрос* ('предложение для получения ответа или объяснения' (Сл 1847 I: 137)) и *дело* (в первом значении: 'все, что составляет предмет упражнения; работа, труд, обязанность, занятие, должность' (Там же: 385)) играет роль эвфемизма, с ее помощью завуалирована суть происходящего: действие (вооруженный конфликт) представляется всего лишь спором, словопрениями. Это, конечно, преуменьшает значимость события, снимая отчасти высокую вероятность общественного возмущения происходящим.

Обоснование вступления в конфликт также представлено эвфемизацией: *пристрастие, оказанное Турцией латинской Церкви по делу о Святых местах, пренебрежение и нарушение прав греческой Церкви* (Северная пчела, 1854. №26). Подобные языковые игры, с одной стороны, формируют круг посвященных, т. е. людей, способных понять происходящее, поскольку они знают подлинные причины конфликта. С другой — отвечают общему стилевому облику периодики того времени, с его иносказательностью, стремлением уйти от мнимой грубости прямых номинаций, подчеркнутой вежливостью речевого поведения и дистанцированностью от читателя [Виноградов 1982: 451–453].

Развитие военных действий

Вступление в конфликт и невозможность быстрого его разрешения влечет за собой следующий шаг — стремление возвести событие в статус общего дела. Лексическая репрезентация этого шага — выход на соборность как основную ценность русского менталитета. Основой духовного единения русского народа, подчинения его царю, сплоченности перед лицом опасности является глубокая религиозность русского народа.

Вера в царя, божьего помазанника, отстаивающего интересы христианского мира, — гарантия убежденности каждого отдельно взятого русского человека в справедливости предпринимаемых действий и необходимости довести военный конфликт до победного конца. Беспроигрышным вариантом включения войны в систему миропонимания и, как следствие, в языковую картину ми-

ра русского человека является обоснование ее религиозного характера — священности. Эта особенность русского менталитета реализуется даже в период отказа от религии как ведущей ценности, исключения ее из жизни уже советского человека: достаточно вспомнить патриотический гимн А. В. Александрова на стихи В. И. Лебедева-Кумача «Священная война» времен Великой Отечественной войны.

Отсюда все время подчеркиваемая религиозная подоплека, попытки представить военный конфликт не как историю расхождения политических — территориальных и экономических — интересов двух государств, а как противостояние двух религий: *С декабря месяца 1853 года начался переход храбрых войск Богоспасаемой России, чрез маленький наш городок — на юг, на святую брань, на защиту Креста и Отечества* (Русский инвалид, 1853. №93). Отметим высокую степень пафоса, содержащегося в приведенном примере: высокий стиль (обращение к церковной лексике и славянизмам) и метонимическую замену названия вероисповедания на основной символ религиозной принадлежности. Кроме того, такая формулировка восходит к сформировавшемуся в XIX в. воинскому девизу «За Веру, Царя и Отечество» (А. С. Шишков в ноябре 1812 года в «Объявлении для чтения в церквях» пишет: «Вы достохвально исполняли долг свой, защищая Веру, Царя и Отечество» [Труды 1912: 360], по всей видимости, это первая фиксация девиза в таком виде. В дальнейшем А. С. Шишков неоднократно повторяет девиз в различных своих текстах).

В ряде случаев война напрямую называется войной за православную веру: *2400 человек тех воинов из нижних чинов, которые в настоящую войну, сражаясь против врагов Веры православной, прольют свою кровь; Даже и в настоящую войну за Православие, мы имеем новые и достойные примеры подражания* (Смоленские губернские ведомости, 1854. №12).

Значимо также появление прямых отрицательных оценок в представлении участников конфликта, что способствует переходу к следующему шагу осмысления текущего военного конфликта: *Возможно ли, чтобы глава нации [император Франции], выдающей себя за просвященнейшую в мире, под предлогом сохранения политического равновесия, которое ни мало не нарушено, содействовал магометанскому варварству против христианской образованности* (Северная пчела, 1854. №38). Отметим, что идея просвещенного мира весьма характерна для XIX в.: мир все больше расширяет свои границы, становится проницаем (все больше территорий осваивается и становится доступными), отсюда почва для сравнения себя с разными народами и представителями различных религий, стремление привести всех к очевидной для человека той эпохи ценности просвещения (эта мысль хорошо прослеживается в путевой литературе [Юркина 2013; Щеглова 2018]). Этот культурно-исторический контекст в данном случае воплощается в противопоставлении «магометанское варварство — христианская образованность»: слово *варварство*, по данным Сл 1847, имеет следующую дефиницию: ‘непросвещение, дикость, грубость’ (Сл 1847 I: 100), лексема *образованность* — ‘состояние образованного, просвещение’ (Сл 1847 III: 29), что указывает на семантическую связанность их с прилагательным *просвященнейший*, употребленном в данном контексте.

Идеологизация войны

Завершающим этапом включения военного конфликта в языковую картину мира является ее идеологизация с обозначением ответственности участников конфликта за неудачи в конкретных сражениях и продленности события.

Идеологизация в первую очередь выражается в обращении к исконно русскому разделению на «свой – чужой», восходящему к оппозиции своей земли и чужого враждебного пространства [Колесов 2000: 212], которое автоматически вводит в контекст положительнооценочные коннотации, связанные с концептом «свой» и отрицательнооценочные смыслы, сопровождающие концепт «чужой». Отсюда особенности номинаций участников. *При донесении же губернским предводителем епископу Высочайшей грамоты, маститый старец, проникнутый чувством благоговения к помазаннику Божию, облобызал имя, начертанное рукой Державного Венценосца: и на лице всех присутствовавших выразился святой восторг верноподданнической любви к Отцу Монарху; Вдохновенные доблестными примерами дедов и отцов, воодушевляемые и собственными верноподданническими чувствами к своему Великому Государю и горя соревнованием к славной доле воинства, ныне [подвизающагося] за правое и святое дело, дворянство Смоленское в чрезвычайном собрании своем положило всеподданнейше донести Его Императорскому Величеству, что для славы обожаемого Монарха, Смольяне, всегда верные сыны Государя, готовы снести на алтарь отечества себя и все достояние свое и, до последнего в силах, стать под знамя любимой родины, и что при этом дворянство единодушно выразило желание, призреть в своих имениях и обеспечить приютом, пищею и одеждою до 2400 человек тех воинов из нижних чинов, которые в настоящую войну, сражаясь против врагов Веры православной, прольют свою кровь за Отечество (Смоленские губернские ведомости, 1854. №12); Этим письмом Людовик-Наполеон безвозвратно приковал себя к нынешнему своему положению по Турецко-Российскому вопросу. <...> Возможно ли, чтобы глава нации, выдающей себя за просвященнейшую в мире, под предлогом сохранения политического равновесия, которое ни мало не нарушено, содействовал магометанскому варварству против христианской образованности; чтоб властелин Франции, по справедливости называющий себя восстановителем порядка, соединился с мятежниками всего света, и с Англией, которой политические правила и коммерческие расчеты, по причине отдельного ее положения на острове, и преобладания на море, противопоставляют величайшее препятствие совершенному примирению Европы (Северная пчела, 1854. № 38).*

Также элементом идеологизации можно считать встраивание текущего военного конфликта в ряд исторических событий. Настойчиво подчеркивается связь Крымской войны с Отечественной войной 1812 года: *Мы те ж сыны двенадцатого года* (Русский инвалид, 1854. №105). Налицо подмена понятий: война 1812 года, осмысляемая как война освободительная, война, выигранная народом-богатырем (ср. «Бородино» М. Ю. Лермонтова), — явление иного порядка, нежели решение территориального спора под видом отстаивания прав православной веры. Отметим также употребление сочетания *сыны двенадцатого года* значительно раньше сходного сочетания в знаменитом высказывании

декабриста М. И. Муравьева-Апостола «мы были дети 1812 года» и с другими коннотативными смыслами.

Выводы

В статье рассматриваются семантизация и вхождение в узус слов, связанных с тематическим полем «война» на примере осмысления в периодических изданиях того времени значимого для XIX века события — Крымской войны 1853–1856 года. Это последний из крупных военных эпизодов русско-турецких войн в истории России. К этому моменту завершается формирование рынка периодических изданий в России, и существующая эмпирическая база достаточно репрезентативна, чтобы применить диахронический подход к анализу лексического своеобразия представления войны в языковой картине мира.

Неудачный ход военных действий накладывает свой отпечаток на осмысление и идеологизацию рассматриваемого военного конфликта, что получает отражение в лексической репрезентации Крымской войны в периодике того времени. И, как следствие, вхождение в узус новых коннотативных значений, обогативших русскую лексику и фразеологию военного тематического поля.

С целью обобщения собранного материала выделены основные смысловые блоки, требующие идеологизации в тематическом поле «война». Внутри этих блоков представлены основные номинации, востребованные в современной событию периодике. Контексты их употребления позволяют семантизировать лексемы и сделать выводы о системе их значений, вошедших в лексическую систему языка.

В качестве перспектив исследования видится формирование представления о тематическом поле «война» с выделением внутри него основных лексико-семантических полей, а также проведение аналогичных исследований относительно других военных событий с целью рассмотрения развития семантики отдельных лексем или фразеологических единиц.

Источники

- Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1912. 1046 с.
- Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.09.2020)
- Труды Московского отдела Императорского Российского военно-исторического общества. Т. 2. М., 1912.
- Энгельгардт А.Н. Из деревни. 11 писем. СПб.: Издательство А.С. Суворина, 1882. 493 с.

Литература

- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 529 с.
- Горшков А.И. Русский язык в русской словесности. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2015. 248 с.
- Дуринова Г.В. Слово как объект исторической семантики: гражданин и общество в русском языке второй половине XVIII – первой трети XIX вв.: дис. ... к. филол. н. М., 2015.
- Дягилева И.Б. Неология в «Словаре русского языка XIX века» (на материале газетной публицистики 1820–40-х гг.) // Неология и неография: Современное состояние и перспек-

тивы (к 50-летию научного направления). Сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 48–51.

Ковтун Л.С. О неявных семантических изменениях: (К истории значений слов) // Вопросы языкознания. 1971. №5. С. 81–90.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 1. Мир человека. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.

Сорокин Ю.С. Об общих закономерностях развития словарного состава русского языка XIX в. // Вопросы языкознания. 1961. №3. С. 22–36.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

Щеглова Е.А. Репрезентация «своего» и «чужого» в путевых очерках второй половины XIX века: лексико-семантический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. №3. С. 191–194.

Юркина О.В. Языковые средства выражения идеи «просветленного бытия» и «просвещения» в публицистических контекстах очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2013. №2. С. 165–176.

Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change // Blank A., Koch P. Historical Semantics and Cognition. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 61–99.

Прокофьева Наталья Анатольевна, канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург; Университетская наб. д. 7-9; доцент; e-mail: n.prokofieva@spbu.ru

Щеглова Екатерина Александровна, канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург; Университетская наб. д. 7-9; доцент; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; научный сотрудник; e-mail: e.scheglova@spbu.ru

Для цитирования. Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Номинации военных действий и их участников в публицистике периода Крымской войны // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 283–292. DOI 10.30842/26583755202010

References

Vinogradov V.V. Oчерki po istorii russkogo literaturnogo jazyka 17–19 vv. М.: Vysshaja shkola Publ., 1982. 529 p. (In Russ.)

Gorshkov A.I. Russkij jazyk v russkoj slovesnosti. М.: Lit. in-t im. A.M. Gor’kogo Publ., 2015. 248 p. (In Russ.)

Durinova G.V. Slovo kak ob’ekt istoricheskoj semantiki: grazhdanin i obshhestvo v russkom jazyke vtoroj polovine 18 – pervoj treti 19 vv.: dis. ... k. filol. n. М., 2015. (In Russ.)

Diagileva I.B. Neologija v «Slovare russkogo jazyka 19 veka» (na materiale gazetnoj publicistiki 1820–40-h gg.) // *Neologija i neografija: Sovremennoe sostojanie i perspektivy (k 50-letiju nauchnogo napravlenija)*. Sbornik nauchnyh statej. SPb.: Nestor-Istorija Publ., 2016. P. 48–51. (In Russ.)

Kovtun L.S. O nejavnyh semanticheskikh izmenenijah: (K istorii znachenij slov) // *Voprosy jazykoznanija*. 1971. №5. P. 81–90. (In Russ.)

Kolesov V.V. Drevnjaja Rus': nasledie v slove. Vol. 1. *Mir cheloveka*. SPb., 2000. (In Russ.)

Sorokin Ju.S. Ob obshchih zakonomernostjeh razvitija slovarnogo sostava russkogo jazyka 19 v. // *Voprosy jazykoznanija*. 1961. №3. P. 22–36. (In Russ.)

Sorokin Ju.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo jazyka. 30–90-e gody 19 veka. М.; Л.: Nauka Publ., 1965. 565 p. (In Russ.)

- Shcheglova E.A. Reprerentacija “svoego” i “chuzhogo” v putevyh ocherkah vtoroj poloviny 19 veka: leksiko-semanticheskij aspekt // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika*. 2018. №3. P. 191–194. (In Russ.)
- Jurkina O.V. Jazykovye sredstva vyrazhenija idei “prosvetlennogo bytija” i “prosveshhenija” v publicisticheskikh kontekstah ocherkov puteshestvija I.A. Goncharova “Fregat “Pallada”” // *Vestnik Syktyvkarского universiteta. Serija gumanitarnyh nauk*. 2013. №2. P. 165–176. (In Russ.)
- Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change // Blank A., Koch P. *Historical Semantics and Cognition*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter Publ., 1999. P. 61–99.

Natalya A. Prokofeva, PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya nab., 199034, Saint-Petersburg, Russian Federation. E-mail address: n.prokofieva@spbu.ru

Ekaterina A. Shcheglova, PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya nab., 199034, Saint-Petersburg, Russian Federation; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: e.scheglova@spbu.ru

For Citation: Prokofeva N.A., Shcheglova E.A. (2020). Military actions and their participants nominations in journalism during the Crimean War. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 283–292. DOI 10.30842/26583755202010 (In Russ.)